

Тридцать ли от столицы, на погосте, где хоронят бездомных, даже собаки не показываются.

Днем это место словно окутано мрачным туманом, ветер со свистом мечется между деревьями, вторя стенаниям бесчисленных неприкаянных душ, а ночью здесь становится так тихо, что кажется, будто ты уже не в мире живых, и даже призраки боятся здесь рыдать.

На высокой ветке, слегка покачиваясь, сидел человек. Лунный свет, пробиваясь сквозь листву, выхватывал его изящный силуэт. Он прислонился к стволу, подтянув колени, и с безмятежным видом потягивал вино.

Лян Е пересчитал трупы вокруг. Не считая тех, что уже успели превратиться в труху, их набралось ровно двести двадцать один. Был еще один, лет восьми, с которым он добрых две палочки благовоний играл в гляделки, пока ребенок, наконец, не испустил дух — нехотя и с досадой.

На то он и погост, чтобы здесь упокоились те, кому нет места в мире, те, кто даже после смерти обречен скитаться одиноким призраком.

Лян Е медленно проглотил вино и уставился на луну. Ее холодный свет заставил его слегка прищуриться.

Зачем он здесь?

Не помнит.

Что он делал до того, как пришел?

Не помнит.

Наступило лето, и запах здесь стоял тошнотворный, но у Лян Е не было сил даже на то, чтобы уйти. Раз уж пришел, так пришел.

Он просидел здесь несколько дней, допивая второй кувшин вина. Перед уходом ему вдруг пришла в голову мысль, что место это уж больно зловонное. Он присел на ветке, одной рукой держа кувшин, а другой пошарив за пазухой, откуда извлек огниво.

И поджег всё вокруг.

Летом здесь сухо, деревья растут густо, и пламя мгновенно взметнулось выше человеческого роста, охватив весь холм.

Местные крестьяне, гремя в гонги и таская ведра с водой, бросились тушить пожар. Примчавшиеся на зов стражники орали и сноровисто боролись с огнем, словно делали это не впервые.

Лян Е, прихватив пустой кувшин, спускался с холма, двигаясь против потока людей. Он

слышал, как кто-то проклинал:

— Да чтоб тебя, какой предок каждый год в этот день приходит сюда всё поджигать! Будь он проклят!

Этот проклятый предок неспешно спустился с горы и еще несколько дней бродил вокруг огромной столицы, так и не вспомнив, зачем он вообще сюда пришел.

Просто не хотелось возвращаться.

Он еще полмесяца просидел в заброшенном даосском храме на окраине, догрызая сухие лепешки, оставленные в подношение основателю школы, и даже отломил половину позолоченной ступни у статуи, пока наконец не дождался своего наставника.

Наставник был безупречен: даже в простейшем халате он выглядел как небожитель. Неизменные метелка-фашань и меч, холодное, равнодушное лицо. Лишь заметив у статуи основателя обглоданную ступню, он надолго замолчал.

Лян Е покрутился вокруг него и выудил из его рукава мешочек с тремя мясными лепешками. Проявив недюжинную смекалку, он взял себе лишь одну, а остальные две запихнул обратно наставнику.

— Вся семья Дунчэнь Пяосюэ была вырезана. Это твоих рук дело, — в голосе Юэ Цзинмина не было вопроса.

Лян Е, жуя лепешку на циновке, небрежно отозвался:

— Забыл.

— И даже собаку не пощадил, прихлопнул одним ударом, — холодно добавил Юэ Цзинмин. — Слишком много в тебе жажды убийства.

— Она меня укусила! — Лян Е был явно не согласен. — Я просто слегка похлопал ее по голове.

— Ты же только что сказал, что забыл.

— ...Ну, про собаку я вспомнил.

— Зачем вернулся? — Юэ Цзинмин опустил взгляд.

— Забыл, — Лян Е продолжал жевать. — Наставник, посчитайте мне, а?

Юэ Цзинмин проигнорировал его, хотя по взгляду было ясно, что он не прочь пнуть своего непутевого ученика.

— Раз вернулся, больше не уйдешь, — Юэ Цзинмин лишь мельком взглянул на него, и в его голосе впервые проскользнула нотка сожаления.

Лян Е поднял голову и улыбнулся:

— Ну и ладно, не уйду.

Взгляд Юэ Цзинмина оставался бесстрастным, но слова выдавали скрытое сочувствие:

— Из трех тысяч путей бренного мира ты выбрал самый тяжкий.

Лян Е проглотил последний кусок лепешки и вдруг просиял:

— Вспомнил! Я ведь собирался взять Чунхэна и отправиться к тебе и дяде-наставнику.

Юэ Цзинмин помолчал:

— Мы с твоим дядей прождали тебя пять месяцев.

— По дороге забыл, — Лян Е ничуть не смутился и с улыбкой потянулся к рукаву наставника за оставшимися лепешками, но получил удар метелкой по рукам.

Учитель и ученик молча смотрели друг на друга. Лян Е скривил губы:

— Каких только деликатесов я не пробовал, не больно-то мне нужны твои сухари.

За что тут же получил метелкой по спине и повалился на пол.

Когда он поднял голову, Юэ Цзинмина и след простыл — даже волоска от его метелки не осталось.

Лян Е от нечего делать отломил вторую золотую ступню у статуи, отряхнул руки и свистнул. Примчался рыжий конь. Лян Е вскочил в седло и во весь опор помчался к императорскому дворцу.

Почти месяц без Лян Е — жизнь Ван Дяня была просто сказкой.

Если не считать упрянца Вэй Ваньлиня, который наотрез отказывался идти в гвардию наследного принца тренировать солдат.

— Я рожден воевать, а не нянчиться с детьми! — Вэй Ваньлинь, упираясь, стоял на коленях перед ступенями, его густая борода дрожала от ярости.

— Ваньлинь, — Ван Дянь сидел на ступенях, пытаясь говорить по-хорошему. — Я ценю тебя. Ты же знаешь, какая ситуация при дворе, у меня просто нет людей. Или, если отступить на шаг назад, даже если я позволю тебе вернуться на Северо-Запад, после года простоя в столице сможешь ли ты отобрать власть у клана Цуй?

Вэй Ваньлинь понимал, что к чему, но этот переменчивый император не внушал ему никакой надежды.

— Ты pomoжешь мне с тренировками, а я помогу тебе вернуть армию Севера, — Ван Дянь, который целый месяц держал его в ежовых рукавицах, наконец улыбнулся, предложив искушение, от которого невозможно отказаться.

Вэй Ваньлинь подозрительно посмотрел на него:

— В столице полно генералов, почему Ваше Величество выбрали именно меня?

— Разумеется, потому что ты доблестен и талантлив, — рассмеялся Ван Дянь.

И потому что тебя легко обвести вокруг пальца.

За этим последовал поток лести и обещаний. Как бывший глава корпорации, Ван Дянь мастерски умел «рисовать пироги»: он нарисовал для Вэй Ваньлиня такой огромный и аппетитный «пирог», что тот, хоть и не мог его съесть прямо сейчас, был совершенно очарован.

Вэй Ваньлинь вышел из дворца с ошарашенным видом, но на лице его блуждала глуповатая улыбка.

В тот день он до глубокой ночи беседовал с Вэнь Цзуном. Искусство «рисования пирогов» у обоих было на высоте, и государь с сановником остались довольны друг другом. Пока они играли в шахматы и болтали, по приказу императора успели разорить дома двух сановников, и в казну потекли реки серебра.

— У меня не было выбора, — вздохнул Ван Дянь. — Просто настроение сегодня было не очень.

— Ваше Величество, весь этот мир принадлежит вам, — Вэнь Цзун тоже вздохнул. — Ваш характер всем давно известен, случайная гибель двух сановников — дело житейское, полагаю, вдовствующая императрица не станет слишком строго судить.

— Вы правы, наставник.

Они обменялись понимающими взглядами — всё было сказано без слов.

Когда Ван Дянь собрался отдыхать, уже за полночь, он листал книгу, но никак не мог уснуть. Юнь Фу заходил дважды, чтобы поджечь благовония для успокоения духа, и с любопытством спросил:

— Ваше Величество, вы не хотите спать?

— Не хочу, — Ван Дянь чувствовал, что его биологические часы все еще сопротивляются, даже ради утренних аудиенций он не готов был закрыть глаза раньше времени.

Юнь Фу смущенно удалился.

Как раз когда Ван Дянь начал проваливаться в дрему, он почувствовал, как чьи-то пальцы касаются его лица. Он мгновенно проснулся, рука потянулась к спрятанному под подушкой скрытому арбалету, и лишь подняв руку, он открыл глаза.

И увидел знакомое лицо. В душе смешались удивление и испуг. Он пристально, с противоречивыми чувствами, уставился на него:

— Лян Е?

Лян Е приподнял бровь. Его взгляд был чужим, но полным интереса, он даже не обратил внимания на направленный на него отравленный болт и потянулся, чтобы коснуться лица Ван Дяня.

Теплые подушечки пальцев прошли по тонкой коже за ухом, он с силой потер ее, и Ван Дянь увидел, как Лян Е удивленно приподнял брови.

— Это не маска, — Ван Дянь вздохнул и убрал арбалет под подушку.

Лян Е с интересом наблюдал за его движениями, затем протянул руку и сжал его кадык. Ван Дяня едва не стошнило. Он сердито оттолкнул руку Лян Е:

— Я мужчина, на мне нет грима, и я не девица из Южных земель.

Лян Е тихо рассмеялся и потянулся к его поясу. Ван Дянь перехватил его руку и прошипел:

— Хватит! Если забыл, иди спроси Чунхэна.

Лян Е прищурился, вывернул его запястье и, не церемонясь, распахнул пояс, сунув руку внутрь.

— О?

— О — твоему деду! — Ван Дянь яростно оттолкнул его, поправляя сбитую одежду, и окинул его взглядом, пытаясь понять, узнает ли он его теперь.

Похоже, забыл.

На душе у Ван Дяня стало досадно. Хотя между ним и этим безумцем не было ничего, что стоило бы хранить в памяти, ощущение, что тебя забыли, всегда неприятно.

Лян Е сел верхом на его поясницу. Отравленный болт каким-то образом оказался в его руках — он ловко и изящно вертел его, целясь Ван Дяню прямо в левый глаз.

Ван Дянь невольно затаил дыхание, настороженно наблюдая за ним.

Острие было всего в дюйме от глаза.

Лян Е с улыбкой наклонился, принялся к его шее и нежно потерся кончиком носа о его подбородок.

— Как вкусно пахнет.

Ван Дяня вдруг охватило странное чувство. Он прямо посмотрел Лян Е в глаза:

— Ты ведь не забыл?

Лян Е, продолжая тереться носом о щеку, не отводя болта от его глаза, ответил:

— Что забыл?

От его прикосновений щека Ван Дяня зачесалась, он невольно отвернулся:

— Ты собака, что ли, всё обнюхивать?

Лян Е слегка ткнул отравленным болтом в открытую кожу шеи:

— Еще раз дернешься — проткну тебе горло.

Ван Дянь застыл, его кадык дернулся. Он нахмурился:

— На мне твой яд, ты можешь убить меня и без арбалета.

Лян Е цокнул языком, бросил болт на пол и погладил его по шее:

— Позволишь укусить себя в ответ — не убью.

Ван Дянь резко повернулся:

— Ты точно не забыл!

Лян Е с силой ткнул его в лицо:

— Мне всё же нравится то выражение сдержанности, которое было у тебя минуту назад.

— Проваливай! — Ван Дянь пришел в ярость и попытался сбросить его.

Придурок! Псих!

Лян Е, сидя на нем, расхохотался, перехватил его кулак, с силой разжал пальцы, переплел их со своими и прижал к мягкой постели. Он склонился и лизнул его запястье, где проступили тонкие жилки, пробормотав:

— Здесь тоже вкусно.

От этого прикосновения у Ван Дяня мурашки побежали по коже, он попытался вырваться, но не смог.

— Да что с тобой не так?!

Лян Е поднял голову, его взгляд был тяжелым:

— Я голоден.

Ван Дянь опешил:

— Что?

Лян Е перехватил его руку, заставил потрогать шрам от укуса на своей шее и, склонившись, одарил его демонической улыбкой:

— Я голоден. Укуси меня снова.

<http://bllate.org/book/21737/2247142>